
Милана Моррис
While My Heart Remembers
Пока сердце помнит
Иногда прошлое возвращается, чтобы подарить надежду...

Милана Моррис

Пока сердце помнит

«Автор»
2026

Моррис М.

Пока сердце помнит / М. Моррис — «Автор», 2026

Софи Лоран всегда считала, что у неё есть всё для счастливой жизни: любимая профессия, уютная квартира в Париже и надёжный муж. Но за внешним благополучием постепенно скрывается одиночество, а привычка жить ради других заставляет её забывать о собственных желаниях.После смерти любимой тёти Мадлен Софи приезжает в небольшой приморский городок, где прошло её детство. Унаследованный дом, старые фотографии и письма возвращают её к воспоминаниям о семье, несбывшихся мечтах и чувствах, которые когда-то остались без ответа.Встреча с человеком из прошлого заставляет Софи взглянуть на свою жизнь иначе. Но сможет ли она отличить любовь от привычки, отпустить сожаления и решиться на перемены? Это история о семейных тайнах, любви, памяти и смелости быть собой. О том, что иногда, чтобы найти дорогу к будущему, нужно сначала услышать собственное сердце.

© Моррис М., 2026
© Автор, 2026

Милана Моррис
Пока сердце помнит

Глава 1. Жизнь, которая мне больше не принадлежит

Париж просыпался медленно.

За высокими окнами нашей квартиры дождь оставлял на стекле тонкие прозрачные дорожки. Напротив, на балконе соседнего дома, женщина в длинном сером кардигане поливала цветы. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, послышались шаги, затем шум двигателя такси растворился в утреннем гуле улицы.

Я стояла у кухонного окна с чашкой кофе и смотрела на город, который когда-то казался мне самым прекрасным местом на земле.

Теперь он просто был городом, в котором я жила.

За моей спиной Антуан застёгивал часы. Он делал это всегда одинаково: сначала поправлял манжету рубашки, затем проверял ремешок и только после этого брал телефон. Я знала каждое его утреннее движение. Знала, какой кофе он предпочитает, какие новости читает за завтраком, в какие дни задерживается в офисе и когда начинает раздражаться из-за пробок.

Я знала о нём почти всё.

И, наверное, именно это меня пугало.

— Ты сегодня поздно вернёшься? — спросила я.

Антуан поднял глаза от телефона.

— Скорее всего. У нас встреча с партнёрами, потом ужин.

— Понятно.

Он подошёл ко мне, легко коснулся губами моей щеки и взял со стола ключи.

— Ты хорошо спала?

— Да.

Это была неправда. Но я произнесла её так привычно, что даже сама почти поверила.

— Отлично. В субботу всё ещё в силе? Можем поужинать с Лораном и Камиллой.

Я посмотрела на него.

— В субботу?

— Я же говорил тебе вчера.

Возможно, говорил. Я действительно не помнила.

— Конечно, — ответила я.

Антуан улыбнулся, будто получил именно тот ответ, которого ожидал.

— Тогда до вечера.

Дверь закрылась.

Я ещё некоторое время стояла у окна, слушая, как его шаги удаляются по лестнице. Потом вернулась к чашке кофе. Он успел остыть.

В последнее время почти всё в моей жизни остывало прежде, чем я успевала это заметить.

Мне было тридцать четыре.

Я работала в архитектурном бюро, занималась проектами жилых интерьеров и считалась человеком, которому можно доверить сложную задачу. Коллеги говорили, что у меня хороший вкус, что я умею видеть пространство не таким, какое оно есть, а таким, каким оно могло бы стать.

Мне нравились старые здания. Нравились высокие потолки, деревянные лестницы, большие окна и комнаты, в которых оставалось ощущение чьей-то жизни.

Я всегда считала, что дом должен рассказывать о человеке больше, чем его фотографии или слова.

Возможно, поэтому я так долго пыталась сделать нашу с Антуаном квартиру уютной.

Я выбирала светильники, меняла текстиль, покупала книги в красивых переплётах, расставляла вазы с цветами. Мне казалось, если пространство вокруг нас станет теплее, то и мы однажды почувствуем себя ближе.

Но квартира оставалась красивой декорацией.

В гостиной стоял широкий диван цвета топлёного молока. На стене висела картина, которую Антуан привёз из поездки в Италию. В спальне лежало льняное покрывало, выбранное мной после нескольких недель поисков. На кухне всегда были свежие фрукты и хорошая посуда.

Всё было на своих местах.

Кроме нас самих.

В офис я приехала чуть раньше девяти. На улице пахло мокрым асфальтом и свежей выпечкой из маленькой булочной на углу. Я купила круассан, хотя не была голодна, и поднялась на третий этаж.

— Софи, доброе утро! — позвала меня Клер, моя коллега.

— Доброе.

— Ты сегодня выглядишь уставшей.

— Просто плохо спала.

Клер окинула меня внимательным взглядом.

— Опять работа?

Я улыбнулась.

— Что-то вроде того.

Она не стала расспрашивать. Клер была одной из тех женщин, которые умеют замечать чужую печаль, но не считают своим долгом немедленно её разоблачить.

Мы обсудили проект небольшого отеля в Лионе, просмотрели чертежи и внесли несколько изменений. Я работала сосредоточенно, почти механически. На некоторое время цифры, линии и размеры позволили мне забыть обо всём остальном.

Но около полудня зазвонил телефон.

На экране высветилось имя, которого я не видела несколько месяцев.

Мадлен.

Я улыбнулась ещё до того, как ответила.

— Тётя Мадлен?

На другом конце линии раздался незнакомый голос.

— Здравствуйте. Вы Софи Лоран?

Улыбка исчезла.

— Да. А кто это?

— Меня зовут Элен. Я соседка Мадлен. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам это по телефону, но сегодня утром её не стало.

Я не сразу поняла смысл этих слов.

Сначала мне показалось, что связь прервалась. Потом я решила, что женщина ошиблась номером. Я даже посмотрела на экран, словно там могло появиться объяснение.

— Простите… Что вы сказали?

— Мадлен умерла сегодня утром. Всё произошло быстро. Врач сказал, что она, вероятно, ничего не почувствовала.

Я опустилась на стул.

За окном продолжал идти дождь. В офисе кто-то смеялся, принтер печатал документы, а Клер разговаривала с коллегой возле кофемашины.

Всё вокруг оставалось прежним.

Только человека, который был частью моего детства, больше не было.

— Вы уверены? — спросила я.

Вопрос прозвучал глупо, но другого я не нашла.

— Да, дорогая. Мне очень жаль.

Я закрыла глаза.

Мадлен.

Женщина, которая каждое лето встречала меня на вокзале с бумажным пакетом персиков. Которая учила меня готовить яблочный пирог и никогда не ругала за испачканные краской руки. Которая могла часами сидеть со мной на террасе, пока я рассказывала о школе, подругах и первых разочарованиях.

Она жила в маленьком приморском городке на севере Франции. Там прошло несколько самых счастливых лет моего детства, когда родители ещё не были постоянно заняты работой, а мир казался простым и понятным.

После смерти мамы Мадлен стала для меня почти вторым домом.

Но в последние годы мы виделись редко.

Сначала я объясняла это работой. Потом свадьбой. Потом ремонтом квартиры. Потом тем, что Антуану не нравились долгие поездки за город.

Я всё время собиралась приехать.

И всё время откладывала.

— Когда это произошло? — спросила я.

— Сегодня рано утром. Я нашла её около семи. Она сидела в кресле возле окна.

Я представила эту комнату. Старое кресло с потёртыми подлокотниками, чашку на маленьком столике, раскрытую книгу.

Мадлен любила читать у окна, особенно когда шёл дождь.

— Она была одна?

— Да.

Я почувствовала неприятный холод в груди.

— Спасибо, что позвонили.

— Она часто говорила о вас.

Я не смогла ответить.

— Вы должны приехать, когда сможете, — мягко добавила Элен. — Есть кое-какие вопросы, которые лучше обсудить лично.

Я попрощалась и положила телефон на стол.

Несколько минут смотрела на свои руки.

Я не плакала.

Наверное, иногда горе приходит не слезами, а тишиной, в которой вдруг становится слышно всё, что ты не успела сказать.

Антуан вернулся домой после девяти.

Я сидела в гостиной, не включая верхний свет. На журнальном столике стояла нетронутая тарелка с ужином. Я не могла заставить себя есть.

Он вошёл, снял пальто и посмотрел на меня.

— Ты чего в темноте?

— Мне позвонили сегодня.

Он положил ключи на консоль.

— Кто?

— Соседка тёти Мадлен.

Антуан остановился.

— Что случилось?

— Мадлен умерла.

Он подошёл ко мне и сел рядом.

— Софи…

Я смотрела на его руки. На тонкое кольцо, которое он носил после нашей свадьбы. На запонки, которые я подарила ему на прошлый день рождения.

— Сегодня утром, — добавила я.

Антуан обнял меня за плечи.

— Мне очень жаль.

Я прислонилась к нему, но не почувствовала того тепла, которого ждала. Его объятие было правильным, уместным, почти безупречным. Он гладил меня по руке и говорил, что всё будет хорошо.

Но мне не хотелось, чтобы всё было хорошо.

Мне хотелось, чтобы Мадлен была жива.

— Я должна поехать туда, — сказала я.

— Конечно.

— Наверное, уже завтра.

Антуан немного отстранился.

— Завтра? У тебя же проект.

— Я могу взять несколько дней.

— Софи, я не спорю. Просто подумай. Сейчас у нас довольно напряжённый период. Ты сама говорила, что хочешь закончить работу над отелем до конца месяца.

Я медленно повернула голову.

— Антуан, умерла моя тётя.

Он вздохнул.

— Я понимаю.

— Не думаю, что ты понимаешь.

Он замолчал.

Я впервые за долгое время не попыталась смягчить сказанное улыбкой.

— Я поеду, — повторила я.

— Хорошо. Поезжай. Я только хотел напомнить, что в воскресенье мы приглашены к моим родителям.

Я посмотрела на него.

Он действительно не заметил, что я сказала о смерти человека, которого любила. Или заметил, но уже мысленно вернулся к своему расписанию.

— Я не знаю, когда вернусь.

— Софи…

— Мне нужно время.

Антуан поднялся.

— Ладно. Давай поговорим об этом завтра, когда ты немного успокоишься.

Он ушёл в спальню.

Я осталась сидеть на диване.

В какой-то момент мне захотелось последовать за ним, лечь рядом, обнять его и сделать вид, что разговор закончился обычным недоразумением. Я умела это делать. Умела возвращать наши вечера к привычному порядку, сглаживать острые углы, отказываться от вопросов, на которые никто не хотел отвечать.

Но в тот вечер я впервые не захотела ничего исправлять.

Я проснулась около трёх ночи.

В спальне было темно. Антуан спал, повернувшись ко мне спиной. Его дыхание было ровным и спокойным.

Я осторожно поднялась, накинула халат и прошла на кухню.

Дождь закончился. За окном блестели мокрые крыши, а редкие фонари отражались в лужах на тротуаре.

Я открыла телефон и нашла фотографии Мадлен.

На одной мы сидели на террасе её дома. Мне было лет пятнадцать. Я смеялась, закрывая лицо ладонью от солнца, а Мадлен смотрела на меня с таким выражением, будто в тот момент не существовало ничего важнее.

На другой мы стояли у моря. Ветер растрепал мои волосы, а её светлый шарф развевался за спиной.

Я увеличила фотографию.

У Мадлен были удивительно красивые руки. Тонкие, с длинными пальцами, всегда пахнущие кремом с ароматом лаванды.

Я помнила, как она держала мою ладонь, когда я боялась идти к стоматологу. Как поправляла воротник моего пальто перед поездкой в Париж. Как однажды сказала, что женщина не должна проживать свою жизнь так, будто всё время ждёт разрешения.

Тогда я не поняла её слов.

Теперь они почему-то вернулись ко мне.

Я открыла переписку.

Последнее сообщение от Мадлен было отправлено почти четыре месяца назад.

«Софи, у нас наконец распустились розы. Ты бы их полюбила. Приезжай, когда сможешь. Я всегда рада тебе».

Я тогда ответила:

«Обязательно, тётя. Как только освобожусь».

После этого мы обменялись ещё парой коротких сообщений о погоде и здоровье.

Я долго смотрела на экран.

Как странно устроено время. Мы откладываем встречи, потому что уверены, что впереди ещё много дней. Не замечаем, как обычные обещания превращаются в последние слова.

Я положила телефон на стол и закрыла глаза.

Мне вспомнилось море.

Не само место, не конкретный пляж, а ощущение, которое возникало, когда я стояла на берегу и смотрела вдаль. Тогда мне казалось, что жизнь огромная, что впереди бесконечно много дорог и что я могу выбрать любую.

Когда это перестало быть правдой?

На следующее утро я собрала чемодан.

Антуан вышел из ванной, когда я застёгивала молнию.

— Ты действительно уезжаешь сегодня?

— Да.

— Я думал, мы сначала обсудим это.

— Мы уже обсуждали.

Он посмотрел на чемодан, затем на меня.

— Сколько ты пробудешь?

— Не знаю.

— Софи, у нас же есть планы.

Я аккуратно сложила в сумку шарф.

— У тебя есть планы, Антуан. У меня пока нет.

Он нахмурился.

— Что это значит?

Я подняла глаза.

— Не знаю. Наверное, именно это меня и беспокоит.

Он прислонился к дверному косяку.

— Ты сейчас говоришь так, будто я сделал что-то ужасное.

— Нет. Ты ничего ужасного не сделал.

— Тогда в чём проблема?

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что не могу объяснить.

Как рассказать человеку, что ты чувствуешь себя одинокой, когда он каждый вечер спит рядом? Как объяснить, что можно быть любимой и всё равно не чувствовать себя увиденной? Как сказать, что иногда ты скучаешь не по другому мужчине и даже не по другой жизни, а по самой себе?

— Я устала, — произнесла я.

Антуан подошёл ближе.

— От чего?

— От того, что всё время должна знать, чего хочу. Куда мы идём. Что будем делать в следующем месяце. Когда поедем к твоим родителям. Когда пригласим друзей. Когда наконец начнём думать о детях.

Он молчал.

— Я не говорю, что не хочу семью. Я не говорю, что не люблю тебя. Я просто больше не понимаю, где во всём этом нахожусь я.

Его лицо стало серьёзным.

— Ты могла сказать мне раньше.

Я едва заметно улыбнулась.

— Я пыталась. Просто каждый раз находилось что-то более важное.

— Это несправедливо.

— Возможно.

Я закрыла чемодан.

Антуан посмотрел на меня так, словно впервые заметил, что я действительно собираюсь уйти.

— Ты вернёшься?

Я взяла пальто.

— Да. Но не знаю, какой.

Он ничего не ответил.

Я поцеловала его в щёку и вышла из квартиры.

Поезд отправлялся с вокзала Сен-Лазар.

Я купила билет на ближайший рейс и села у окна. В вагоне пахло кофе, мокрой одеждой и свежей газетой. Пассажиры устраивались на местах, убирали чемоданы, проверяли телефоны.

Я достала из сумки маленькую фотографию Мадлен.

На обороте её почерком было написано:

«Лето, когда ты впервые сказала, что хочешь увидеть весь мир».

Я провела пальцем по буквам.

За окном медленно поплыли парижские улицы. Потом дома стали ниже, за ними появились небольшие станции, поля и редкие деревья.

Я не знала, что меня ждёт в доме Мадлен. Не знала, как буду жить после её смерти и что скажу Антуану, когда он снова спросит, когда я вернусь.

Но впервые за долгое время мне не нужно было отвечать на все вопросы.

Я смотрела в окно и думала о том, какой была до того, как научилась быть удобной.

До того, как стала осторожно подбирать слова, чтобы никого не расстроить. До того, как перестала покупать книги, которые нравились только мне. До того, как начала считать свои желания чем-то второстепенным.

Возможно, я просто повзрослела.

Возможно, так выглядит обычная жизнь.

А возможно, однажды я незаметно согласилась на неё, хотя никогда по-настоящему её не выбирала.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Антуана:

«Напиши, когда приедешь. И не забывай, что я люблю тебя».

Я перечитала его несколько раз.

Потом ответила:

«Хорошо. Я тоже тебя люблю».

Я не стала добавлять ничего больше.

Поезд набирал скорость, и Париж постепенно исчезал за горизонтом.

Впереди был маленький городок у моря, старый дом и женщина, которую я больше никогда не смогу обнять.

Я ещё не знала, что иногда возвращение в прошлое нужно не для того, чтобы снова стать прежней.

А для того, чтобы наконец перестать от себя убегать.

Глава 2. Дом у самого моря

К тому времени, когда поезд остановился на небольшой станции, дождь снова начался.

Я вышла на перрон и на несколько секунд задержалась под навесом, рассматривая незнакомых людей. Кто-то торопился к автомобилю, кто-то встречал близких, обнимая их прямо возле выхода. Пожилая женщина в красном пальто поправляла шарф маленькому мальчику. Мужчина с дорожной сумкой разговаривал по телефону, стараясь перекричать шум прибывающего поезда.

Всё выглядело обыкновенно.

Только мне казалось, что я приехала в место, которого больше не существовало.

Последний раз я была здесь почти четыре года назад. Тогда Мадлен встретила меня на этой же станции, хотя я несколько раз просила её не приезжать. Она стояла возле выхода с зонтом, в светлом пальто и неизменных кожаных перчатках. Увидев меня, улыбнулась и сказала, что я слишком долго заставляла её ждать.

Я тогда рассмеялась.

Теперь мне хотелось хотя бы ещё раз услышать эти слова.

Я поправила ремень сумки и вышла на улицу.

Городок назывался Вильфранш-сюр-Мер. Он располагался на нормандском побережье, немного в стороне от оживлённых туристических маршрутов. Здесь были узкие улочки, небольшие семейные рестораны, булочные с деревянными вывесками и дома с высокими окнами, за которыми вечерами зажигался тёплый свет.

Море находилось совсем близко.

Даже с вокзальной площади можно было почувствовать его присутствие: в прохладном ветре, в запахе соли, в криках чаек над крышами.

Я вызвала такси.

Пока ждала машину, достала телефон. От Антуана новых сообщений не было. Я проверила почту, просмотрела уведомления из рабочего чата и снова убрала телефон в сумку.

Мне хотелось, чтобы кто-нибудь позвонил.

И одновременно хотелось, чтобы никто не нарушал тишину.

Такси остановилось возле тротуара. Водитель вышел, помог загрузить чемодан и назвал адрес, который я продиктовала.

— Дом мадам Мадлен? — переспросил он, когда я села.

— Да.

Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Вы родственница?

— Племянница.

Мужчина кивнул.

— Хорошая была женщина. Здесь её многие знали.

Я отвернулась к окну.

— Да. Хорошая.

Больше мы не разговаривали.

Дом находился на небольшой возвышенности, в конце узкой улицы, которая постепенно спускалась к морю.

Я узнала его ещё до того, как такси остановилось.

Белые стены, тёмно-синие ставни, невысокая ограда и розовые кусты вдоль дорожки. Над входной дверью висел старый фонарь, который Мадлен каждый год обещала заменить, но так и не заменила.

В одном из окон на втором этаже стояли цветы.

Я не могла понять, кто их поливал после её смерти.

Водитель поставил чемодан возле калитки и пожелал мне хорошего вечера. Я поблагодарила его, дождалась, пока машина скроется за поворотом, и осталась одна.

Передо мной был дом.

Тот самый, в котором я проводила летние каникулы, когда была подростком. Где впервые прочитала взрослый роман, тайком от родителей. Где плакала из-за первой любви и слушала, как Мадлен смеётся над моими слишком серьёзными рассуждениями о будущем.

Здесь я когда-то мечтала стать художницей.

Потом архитектором.

Потом просто счастливой женщиной.

Я достала ключ из сумки.

Он подошёл к замку не сразу. Пальцы немного дрожали, и мне пришлось сделать несколько попыток.

Когда дверь наконец открылась, из дома пахнуло лавандой, старой древесиной и чем-то сладким, едва уловимым.

Запахом Мадлен.

Я переступила порог.

В прихожей всё оставалось почти таким же, каким я помнила. Узкая консоль у стены, большое зеркало в потемневшей раме, крючки для пальто, маленькая керамическая чаша для ключей. На полу лежал коврик с выцветшим узором.

Я поставила чемодан и медленно сняла пальто.

— Я приехала, — произнесла я.

Слова прозвучали негромко.

Дом не ответил.

Я прошла в гостиную.

Свет из окон ложился на деревянный пол широкими полосами. На журнальном столике лежала раскрытая книга, рядом стояли очки и чашка с тонким цветочным рисунком.

Я подошла ближе.

На блюдце остался засохший след чая.

Мадлен, вероятно, пила его утром перед тем, как ей стало плохо. Я представила её в кресле у окна, с книгой на коленях и мягким пледом на плечах.

Она всегда говорила, что не любит холод, но при этом постоянно открывала окна, чтобы впустить морской воздух.

Я коснулась спинки кресла.

Ткань была немного потёрта. На подлокотнике лежала тонкая шерстяная нить, зацепившаяся за пуговицу.

Я осторожно сняла её и положила на стол.

В этом доме всё напоминало о человеке, который больше не вернётся.

И всё же я не чувствовала, что здесь пусто.

Напротив, комнаты были наполнены Мадлен настолько, что мне казалось неправильным передвигать даже самые незначительные вещи.

На каминной полке стояли фотографии.

Я подошла к ним.

Мадлен возле моря. Мадлен в Париже. Мадлен с моими родителями на каком-то летнем празднике. И ещё одна фотография, которую я помнила особенно хорошо.

На ней мы с ней сидели на ступенях возле дома.

Мне было семнадцать. Волосы собраны в небрежный хвост, на лице — широкая улыбка. Мадлен обнимала меня за плечи, а я держала в руках раскрытую тетрадь.

Это было лето, когда я собиралась поступать в университет.

Я тогда очень боялась, что не справлюсь.

Мадлен сказала мне, что неудачи не обязательно означают, что мы выбрали неправильную дорогу. Иногда они просто показывают, что нужно идти дальше немного иначе.

Я долго не понимала, почему она так часто говорила о выборе.

Теперь мне казалось, что она пыталась научить меня чему-то, чему я так и не научилась.

Я поставила фотографию на место.

Затем поднялась на второй этаж.

Моя старая комната находилась в конце коридора.

Мадлен не позволяла никому превращать её в кладовую, хотя я давно выросла и приезжала всё реже. Она говорила, что однажды мне захочется снова здесь остановиться.

Комната выглядела почти так же.

Белые стены, небольшая кровать, письменный стол возле окна и книжная полка, на которой сохранились несколько моих старых книг. На подоконнике стоял маленький горшок с засохшим растением.

Я открыла шкаф.

На вешалке висело лёгкое летнее платье, которое я оставила здесь много лет назад. Рядом лежал старый джинсовый жакет. Я провела ладонью по ткани и улыбнулась.

Всё это время Мадлен хранила мои вещи.

Я села на кровать.

В детстве мне казалось, что здесь можно спрятаться от всего мира. Даже когда родители ссорились, даже когда я переживала из-за школы или не понимала, что происходит вокруг, эта комната оставалась моим безопасным местом.

Я вспомнила один вечер.

Мне было около шестнадцати. Я поссорилась с матерью и убежала из дома к Мадлен. Долго сидела на полу возле окна и говорила, что никогда не хочу становиться взрослой, потому что взрослые слишком часто делают друг другу больно.

Мадлен принесла мне горячее молоко с мёдом и села рядом.

— Взрослые не становятся мудрее только потому, что у них появляются морщины, — сказала она. — Они просто учатся лучше скрывать, когда им страшно.

Тогда я рассмеялась.

Сейчас эта фраза показалась мне почти пророческой.

Я легла на покрывало и посмотрела в потолок.

В Париже у меня была большая кровать, дорогие простыни и ортопедический матрас. Здесь — старый деревянный каркас, немного скрипучий пол и занавески, которые давно нуждались в замене.

Но впервые за долгое время мне захотелось остаться в комнате, не проверяя телефон каждые несколько минут.

В дверь позвонили около шести.

Я спустилась вниз, накинув кардиган.

На пороге стояла женщина лет шестидесяти пяти с короткими светлыми волосами. В руках она держала небольшую корзину, накрытую полотенцем.

Я узнала её не сразу.

— Элен?

Она улыбнулась.

— Софи. Я рада, что ты приехала.

Я обняла её.

Элен была соседкой Мадлен уже много лет. В детстве я часто видела её в саду, где она выращивала розы и маленькие белые цветы, название которых никак не могла запомнить.

— Прости, что не встретила тебя на вокзале, — сказала она. — Я не знала, во сколько ты приедешь.

— Ничего страшного. Я справилась.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Ты совсем не изменилась.

Я невольно улыбнулась.

— Это неправда.

— Конечно, неправда. Но я всё равно рада тебя видеть.

Элен протянула корзину.

— Я принесла немного еды. Мадлен не любила, когда люди оставались голодными, особенно в первые дни после приезда.

Я заглянула внутрь. Там лежали свежий хлеб, несколько яблок, сыр и небольшая банка домашнего джема.

— Спасибо. Это очень мило.

— Ты уже была в доме?

— Да. Только приехала.

Элен сняла перчатки.

— Если хочешь, я могу немного посидеть с тобой.

Я хотела отказаться. Сказать, что устала после дороги, что мне нужно разобрать вещи и немного побыть одной.

Но вдруг поняла, что не хочу проводить этот вечер в полном одиночестве.

— Пожалуй, я буду рада.

Мы прошли на кухню.

Элен поставила чайник, а я достала две чашки.

Она двигалась по кухне так уверенно, будто провела здесь не один десяток лет. Открыла шкаф, нашла чай, достала сахарницу.

— Мадлен всегда говорила, что ты любишь чай с бергамотом.

— Да. Но в последнее время я почти всегда пью кофе.

— Она знала.

Я повернулась к ней.

— Что именно?

— Что ты изменилась. Она говорила, что Париж сделал тебя слишком занятой.

Я улыбнулась, но ничего не ответила.

Элен села за стол.

— Она очень ждала твоего приезда.

— Я знаю.

— Нет, Софи. Думаю, ты не совсем понимаешь.

Я поставила чашки на стол.

— Что ты имеешь в виду?

Элен некоторое время молчала.

— Последние месяцы Мадлен часто говорила о тебе. Спрашивала, как ты живёшь, счастлива ли, не слишком ли много работаешь. Иногда звонила, а потом долго сидела у окна.

Я опустила глаза.

— Я редко отвечала.

— Она не обижалась.

— Всё равно.

Элен осторожно накрыла мою руку своей.

— Не нужно превращать любовь в список того, что ты не успела сделать.

Я посмотрела на неё.

— Я должна была приезжать чаще.

— Возможно. Но ты не могла знать, что времени осталось так мало.

Я почувствовала, как защипало глаза.

Элен не стала продолжать.

Мы пили чай, говорили о городе, о соседях, о погоде и о маленьком кафе возле набережной, которое недавно сменило владельца. Она рассказала, что Мадлен в последние недели много читала и иногда жаловалась на усталость.

— Она что-нибудь говорила перед смертью? — спросила я.

Элен посмотрела на чашку.

— В тот день я её не видела. Но накануне мы разговаривали через забор. Она сказала, что собирается привести в порядок бумаги.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Она попросила меня найти номер нотариуса, а потом сказала, что всё уже подготовила.

Я нахмурилась.

— Ты знаешь, что она оставила мне дом?

Элен кивнула.

— Да. Она говорила, что хочет, чтобы ты получила его.

Я долго смотрела на стол.

— Я не знаю, что с ним делать.

— Пока ничего не делай.

Элен улыбнулась.

— Иногда не нужно принимать решения сразу.

Я вспомнила слова Антуана, который даже в день смерти Мадлен думал о наших планах.

Здесь всё было иначе.

Никто не требовал от меня немедленного ответа. Никто не пытался определить, сколько времени мне позволено грустить.

И я почувствовала, как постепенно расслабляются плечи.

Когда Элен ушла, на улице уже темнело.

Я вынесла корзину на кухню, убрала продукты в холодильник и подошла к окну.

Море было почти незаметно за крышами домов, но я слышала его шум. Ветер усилился, и где-то в саду тихо скрипнула калитка.

Я достала телефон.

От Антуана было одно сообщение:

«Надеюсь, ты добралась нормально. Завтра позвони мне. Нам нужно обсудить, когда ты вернёшься».

Я прочитала его и положила телефон экраном вниз.

Не потому, что хотела наказать его молчанием.

Просто сейчас мне не хотелось возвращаться к привычной роли женщины, которая должна всё объяснить и успокоить.

Я сняла с полки старый альбом.

На первых страницах были фотографии Мадлен, затем мои родители, несколько летних поездок и семейные праздники. Я медленно перелистывала страницы, иногда останавливаясь, чтобы рассмотреть лица людей, которых давно не видела.

В конце альбома обнаружилась фотография, которую я прежде не замечала.

На ней Мадлен стояла возле моря. Рядом с ней была молодая женщина с короткими тёмными волосами.

Я пригляделась.

Это была мама.

Они обе улыбались. Мама держала в руках соломенную шляпу, а Мадлен смотрела на неё с такой нежностью, что я невольно задержала дыхание.

На обороте стояла дата.

Я перевернула фотографию.

«Наше последнее лето, когда мы ещё верили, что всё можно исправить».

Я долго смотрела на надпись.

Мама умерла, когда мне было двадцать два. Тогда я думала, что уже достаточно взрослая, чтобы справиться с потерей. Но на самом деле просто старалась не думать о том, что больше никогда не смогу спросить её о вещах, которые раньше казались незначительными.

Я вернула фотографию в альбом.

Потом закрыла его и поставила на полку.

Поздно вечером я решила проверить почту.

В ящике стола Мадлен хранила счета, старые открытки и несколько конвертов с документами. Я нашла их случайно, когда искала зарядное устройство.

Один из конвертов был подписан моим именем.

Софи.

Почерк Мадлен.

Я замерла.

Конверт был аккуратно запечатан. На нём не было даты, только моё имя и небольшая надпись внизу:

«Открой, когда почувствуешь, что готова».

Я несколько минут держала его в руках.

Потом положила на стол.

Мне не хотелось читать его сегодня.

Не потому, что я боялась содержания. Просто я уже получила достаточно новостей за последние два дня. Смерть Мадлен, поездка, дом, воспоминания, разговоры с Элен — всё это требовало времени, чтобы уложиться в голове.

Я выключила свет в кабинете и направилась к лестнице.

Но у самой двери остановилась.

На стене висели старые часы. Их стрелки показывали без четверти одиннадцать.

Мадлен всегда заводила их перед сном.

Я подошла и осторожно коснулась деревянного корпуса.

Часы продолжали идти.

Мне вдруг захотелось, чтобы так было всегда.

Чтобы дом оставался таким же, чтобы в соседней комнате кто-то читал книгу, чтобы утром на кухне пахло кофе и чтобы за завтраком можно было услышать голос человека, который знал тебя ещё до того, как ты научилась скрывать свои чувства.

Я поднялась наверх.

Перед сном долго лежала с открытыми глазами, слушая шум моря.

И думала о том, что завтра мне предстоит похоронить женщину, которая когда-то научила меня не бояться жизни.

Утро было ясным.

Солнце пробивалось сквозь тонкие облака, а море казалось светлее, чем накануне. Я проснулась рано, надела тёплый свитер и спустилась на кухню.

На столе лежал конверт, который я оставила вечером.

Я не помнила, чтобы перекладывала его.

Возможно, просто положила ближе к краю.

Я села, налила себе чай и некоторое время смотрела на надпись.

«Открой, когда почувствуешь, что готова».

Я осторожно вскрыла конверт.

Внутри оказался один лист бумаги.

«Моя дорогая Софи,

я не знаю, когда именно ты прочитаешь это письмо. Возможно, после моего ухода. Возможно, когда тебе просто понадобится немного тишины.

Я хочу, чтобы ты знала: я никогда не считала, что ты должна приезжать чаще, звонить каждый день или отчитываться передо мной за свою жизнь.

Мне всегда хотелось другого.

Я хотела, чтобы ты жила так, как тебе действительно хочется. Не так, как правильно. Не так, как удобно окружающим. И не так, как от тебя ожидают.

Я часто думаю о той девочке, которая бегала босиком по саду, собирала ракушки и говорила, что однажды построит дом, из которого будет видно море.

Ты выросла, Софи. И я надеюсь, что где-то внутри тебя всё ещё живёт та девочка.

В доме есть вещи, которые я оставила для тебя. Не торопись разбирать их. И, пожалуйста, не принимай никаких решений только потому, что боишься кого-то разочаровать.

Я люблю тебя.

Твоя Мадлен».

Я дочитала письмо и закрыла глаза.

Несколько слёз упали на бумагу.

Я аккуратно промокнула их салфеткой, сложила лист и положила обратно в конверт.

Потом подошла к окну.

Солнце освещало крыши домов, а над морем медленно двигались белые облака. На соседней террасе женщина развешивала бельё. Внизу по улице шёл мужчина с собакой.

Жизнь продолжалась.

И, наверное, Мадлен именно этого хотела.

Я долго стояла у окна, держа письмо в руках.

Затем заметила, что за стеклом, на старой деревянной скамейке в саду, лежит небольшой букет белых цветов.

Я вышла на улицу.

Цветы были свежими. На тонкой бумаге, которой они были перевязаны, стояла короткая надпись:

«Для Софи. Добро пожаловать домой».

Я посмотрела на соседний дом.

На террасе никого не было.

Ветер шевелил листья розовых кустов, а где-то за крышами шумело море.

Я осторожно взяла букет и прижала к себе.

И впервые за долгое время слово «дом» не показалось мне просто названием места.

Глава 3. Женщина, которой я была

Похороны состоялись в пятницу.

Утро выдалось удивительно тихим. Небо над Вильфранш-сюр-Мер было затянуто лёгкими облаками, но дождя не было. Воздух пах влажной землёй, морской солью и цветами, которые Элен принесла накануне.

Я долго выбирала, что надеть. В конце концов остановилась на чёрном платье, тёмном пальто и небольших серьгах, которые Мадлен подарила мне на двадцать пятый день рождения.

Тогда она сказала, что они мне идут, потому что в них нет ничего лишнего.

Я почти не пользовалась ими после свадьбы.

Перед выходом я остановилась возле зеркала в прихожей. Из отражения на меня смотрела женщина с аккуратно уложенными волосами и усталым лицом. Я поправила воротник пальто и вдруг подумала, что Мадлен не понравилось бы, как серьёзно я выгляжу.

Она всегда считала, что чёрная одежда не должна лишать женщину её индивидуальности.

«Даже на похоронах можно оставаться собой», — говорила она.

Я улыбнулась этому воспоминанию и закрыла дверь.

Церковь находилась недалеко от набережной.

Небольшое старинное здание с каменными стенами и узкими окнами. Внутри пахло воском, древесиной и белыми лилиями. Люди разговаривали вполголоса, занимали места на деревянных скамьях, передавали друг другу короткие слова соболезнования.

Мадлен знали многие.

Пришли её соседи, бывшие коллеги, несколько женщин из местного книжного клуба и люди, с которыми она дружила десятилетиями. Я смотрела на их лица и понимала, что знаю далеко не всех.

Некоторые подходили ко мне, обнимали, говорили, какой замечательной была Мадлен. Кто-то вспоминал её сад, кто-то — её пироги, кто-то рассказывал о помощи, которую она однажды оказала в трудный момент.

Я слушала и благодарила.

Мне нравилось узнавать о ней то, чего я прежде не знала. Будто после её смерти передо мной открывалась ещё одна сторона её жизни — та, которую она не всегда показывала даже близким.

Элен сидела в первом ряду.

Когда наши взгляды встретились, она едва заметно кивнула мне.

Я села рядом.

Церемония прошла спокойно. Священник говорил о доброте, памяти и времени, которое не забирает любовь, даже когда забирает человека. Я почти не слышала отдельных слов. Перед глазами возникали совсем другие картины: Мадлен на кухне, её руки в муке, смех на террасе, привычка оставлять мне последний кусочек пирога.

Я вдруг вспомнила, как однажды, ещё в детстве, спросила её, боится ли она смерти.

Она ответила, что больше боится не успеть пожить.

Тогда я не поняла.

Теперь эта фраза звучала во мне особенно отчётливо.

Когда церемония закончилась, люди стали подходить к нам с Элен. Я принимала соболезнования, благодарила, пыталась запомнить имена. Потом мы отправились на небольшое кладбище за городом.

Могила Мадлен находилась под старым каштаном.

Ветер слегка шевелил ветви, и сухие листья медленно опускались на землю. Я положила цветы рядом с другими букетами и задержала руку на холодном камне.

— Я ещё приеду, — прошептала я.

Не знаю, кому именно предназначались эти слова.

Мадлен или мне самой.

После похорон Элен пригласила меня к себе на обед.

Её дом находился через две улицы от моего. Небольшой, с зелёными ставнями и множеством растений на подоконниках. В прихожей стояла обувь, на вешалке висели два пальто, а из кухни доносился аромат запечённых овощей.

Всё здесь выглядело живым.

Я поймала себя на мысли, что завидую этой простой, наполненной повседневностью атмосфере.

— Садись, дорогая, — сказала Элен. — Ты почти ничего не ела утром.

— Я не очень голодна.

— Это не причина оставаться без обеда.

Я улыбнулась.

Мы сели за небольшой круглый стол возле окна. Элен поставила передо мной тарелку с рыбой, картофелем и зелёным салатом.

Некоторое время мы ели молча.

— Мадлен была спокойной в последние дни? — спросила я.

Элен отложила вилку.

— Да. Хотя иногда становилась задумчивой.

— О чём?

— О жизни, наверное. О тебе. О доме.

— Она говорила, что хочет что-то мне оставить.

Элен кивнула.

— Она говорила, что ты должна сама решить, что делать с её вещами. Не торопиться. Не выбрасывать ничего только потому, что тебе будет больно на это смотреть.

Я опустила взгляд.

— Я не знаю, смогу ли вообще что-то трогать.

— Сможешь. Просто не сегодня.

Я посмотрела на неё.

— Ты давно её знала?

— Почти тридцать лет. Мы познакомились, когда я переехала сюда после развода. Мадлен тогда принесла мне корзину с продуктами и сказала, что в этом городе невозможно жить без человека, который знает, где купить хороший хлеб.

Я рассмеялась.

— Очень похоже на неё.

— Она была удивительной. Не всегда простой, конечно. Упрямой, иногда слишком прямолинейной. Но никогда не была равнодушной.

Элен немного помолчала.

— Знаешь, что она часто говорила мне о тебе?

— Что?

— Что ты слишком стараешься быть хорошей для всех.

Я вздохнула.

— Похоже, она была права.

— Она говорила, что ты с детства умела замечать чужие чувства, но почти никогда не рассказывала о своих.

Я посмотрела в окно.

На соседней улице проходила молодая пара. Мужчина держал женщину за руку, а она что-то рассказывала ему, смеясь. Они остановились возле витрины маленького магазина и продолжили разговор.

Я вдруг вспомнила, как мы с Антуаном гуляли по Парижу в первые годы знакомства. Мы тоже могли остановиться посреди улицы, чтобы обсудить какую-нибудь мелочь. Он рассказывал о работе, я — о проектах, мы спорили о фильмах и ресторанах, строили планы на отпуск.

Тогда мне казалось, что впереди у нас целая жизнь, в которой мы будем всё делать вместе.

Я не знала, в какой момент перестала ждать от него разговоров.

И когда сама перестала их начинать.

— Элен, ты когда-нибудь жалела о том, как прожила свою жизнь? — спросила я.

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Конечно.

— И что ты с этим делала?

— Сначала долго жалела. Потом поняла, что сожаление не возвращает прошлое. Оно только мешает заметить то, что ещё можно изменить.

Она улыбнулась.

— Но это не значит, что я всегда поступала правильно.

— Наверное, никто не поступает правильно всегда.

— Вот именно.

Элен налила нам ещё воды.

— Только не путай спокойствие с счастьем, Софи. Это разные вещи.

Я подняла глаза.

Она не стала ничего объяснять.

Но её слова остались со мной.

Вернувшись домой, я решила наконец разобрать вещи в своей комнате.

Не потому, что хотела избавиться от прошлого. Скорее, мне нужно было чем-то занять руки.

Я открыла шкаф, достала несколько старых коробок и поставила их на пол. В одной лежали открытки, в другой — школьные тетради, в третьей — фотографии и небольшие сувениры.

Я села на ковёр и начала перебирать содержимое.

Попалась старая записная книжка с рисунками домов. Я раскрыла её на первой странице и увидела неровную надпись:

«Мой первый проект. Дом, в котором никто никогда не будет грустить».

Я улыбнулась.

На рисунке был небольшой дом с огромными окнами, садом и лестницей, ведущей прямо к морю. Внутри стояли два кресла, длинный стол и множество книжных полок.

Я провела пальцем по карандашным линиям.

Когда-то мне действительно казалось, что архитектура может сделать людей счастливее. Что правильно организованное пространство способно изменить отношения, настроение, даже характер человека.

Теперь я понимала, насколько наивной была эта мысль.

Дом может быть красивым, удобным и продуманным до мелочей. Но он не может заставить людей любить друг друга.

Я перевернула страницу.

Там был другой рисунок — маленькая кухня с круглым столом и цветами на подоконнике.

Под ним Мадлен написала:

«Здесь мы будем пить чай, когда ты станешь известным архитектором».

Я рассмеялась сквозь подступившие слёзы.

Она верила в меня задолго до того, как я сама научилась верить в себя.

В одной из коробок обнаружился блокнот в тёмно-зелёной обложке.

Я не сразу поняла, что это.

На первой странице стояла моя фамилия, а ниже — несколько строк, написанных знакомым почерком.

Это был дневник.

Я открыла его и увидела дату.

Двенадцать лет назад.

Я долго сидела неподвижно, прежде чем начала читать.

«Сегодня снова говорила с Мадлен о Париже. Она считает, что я слишком тороплюсь уехать, но я больше не могу оставаться здесь. Мне кажется, если я задержусь ещё хотя бы на месяц, то никогда не решусь начать новую жизнь».

Я перелистнула несколько страниц.

Там были записи о поступлении в университет, о первых самостоятельных поездках, о знакомстве с новыми людьми.

И о мужчине, имя которого я давно не произносила.

Жюльен.

Я остановилась.

Имя показалось мне неожиданно близким, хотя прошло столько лет.

Я помнила его не столько внешне, сколько по ощущениям, которые возникали рядом с ним. Спокойствие, лёгкость, какое-то удивительное отсутствие необходимости притворяться.

Мы познакомились летом, когда мне было двадцать два. Он часто приходил к Мадлен по каким-то хозяйственным делам. Его родители жили неподалёку, и он помогал им с небольшим семейным кафе.

Он был старше меня на несколько лет.

Я помнила его улыбку, тёмные волосы, привычку закатывать рукава рубашки и то, как он внимательно слушал, когда я рассказывала о своих планах.

Но главное — я помнила, что рядом с ним никогда не чувствовала себя слишком громкой, слишком эмоциональной или слишком требовательной.

В дневнике было несколько записей о нём.

Я не стала читать их все.

Вместо этого закрыла блокнот и положила его рядом.

Некоторые воспоминания лучше возвращаются постепенно.

К вечеру я вышла прогуляться.

Мне хотелось пройтись по набережной, посмотреть на море и хотя бы ненадолго перестать думать о похоронах.

Город выглядел иначе, чем в детстве, но многие места остались прежними. Маленькая пекарня возле площади, аптека с зелёной вывеской, старый книжный магазин, в котором Мадлен покупала газеты и журналы.

Я остановилась возле витрины кафе.

За стеклом сидели несколько человек. Пожилая пара делила десерт, молодая девушка читала книгу, а официант выносил на улицу чашки кофе.

Я вдруг поняла, что хочу зайти.

Внутри было тепло. Пахло свежей выпечкой и кофе. Я выбрала столик у окна и заказала капучино.

Пока ждала, смотрела на улицу.

На противоположной стороне мужчина помогал женщине застегнуть пальто. Она что-то сказала ему, и он рассмеялся. В их движениях было столько естественной нежности, что я почувствовала лёгкую грусть.

Я не завидовала им.

Мне просто захотелось однажды снова испытывать подобное.

Не потому, что так положено в браке. Не потому, что нужно поддерживать отношения. А потому, что хочется прикоснуться к человеку и почувствовать, что между вами всё ещё есть что-то живое.

Телефон завибрировал.

На экране появилось имя Антуана.

Я ответила.

— Привет.

— Привет. Как ты?

— Нормально.

— Как прошли похороны?

— Тяжело.

— Мне жаль, что меня там не было.

Я посмотрела на улицу.

— Всё в порядке.

Он помолчал.

— Ты собираешься возвращаться на следующей неделе?

Я медленно выдохнула.

— Антуан, я только похоронила Мадлен.

— Я знаю. Просто хочу понимать, что происходит.

— Я тоже хочу понимать.

— Что это значит?

Я провела пальцем по краю чашки.

— Я пока не готова возвращаться.

— Софи, у нас дома всё стоит на месте. Работа, счета, планы. Я не понимаю, почему ты говоришь так, будто собираешься там остаться навсегда.

— Потому что я не знаю, сколько мне нужно времени.

— Ты ведь понимаешь, что я скучаю?

Я закрыла глаза.

— Да.

— И я не хочу, чтобы между нами появлялось расстояние.

Мне захотелось сказать, что оно уже появилось. Что мы просто так долго привыкали к нему, что перестали замечать.

Но я промолчала.

— Давай поговорим, когда я вернусь, — произнесла я.

— Хорошо. Только не откладывай слишком надолго.

Мы попрощались.

Я положила телефон в сумку и посмотрела на отражение в окне.

Иногда человек может сказать тебе, что скучает, но ты всё равно чувствуешь себя одинокой.

Дом встретил меня тишиной.

Я сняла пальто, поставила сумку на консоль и прошла на кухню. Там всё ещё стояла чашка, из которой я пила утром. На столе лежал зелёный блокнот.

Я взяла его и вернулась в гостиную.

Включила настольную лампу и снова открыла дневник.

На этот раз я перелистнула несколько страниц вперёд.

«Сегодня Жюльен сказал, что я всегда смотрю на море так, будто жду от него ответа. Я спросила, а разве оно не должно отвечать? Он засмеялся».

Следующая запись была короткой:

«Мне нравится, каким человеком я становлюсь рядом с ним. Но я не знаю, что с этим делать».

Я задержала взгляд на словах.

Потом перевернула страницу.

«Мадлен говорит, что я слишком боюсь ошибиться. Наверное, она права. Иногда мне кажется, что я выбираю не то, чего хочу, а то, за что меня никто не сможет осудить».

Я закрыла дневник.

В груди появилось странное чувство — не боль, не радость, а что-то среднее между ними.

Мне казалось, что я приехала сюда только для того, чтобы попрощаться с Мадлен.

Но теперь я начинала понимать: этот дом возвращал мне не только воспоминания о ней.

Он возвращал меня саму.

Ту девушку, которая мечтала, сомневалась, влюблялась, ошибалась и всё ещё верила, что её жизнь принадлежит ей.

Я поднялась и подошла к окну.

За стеклом темнело море.

На соседней улице зажглись фонари, и в домах постепенно появлялся тёплый свет. Где-то смеялись дети. Кто-то закрывал ставни. Ветер качал ветви деревьев.

Я вспомнила слова Мадлен из письма:

«Я надеюсь, что где-то внутри тебя всё ещё живёт та девочка».

Наверное, она жила.

Просто я давно не давала ей говорить.

Уже перед сном я услышала звонок в дверь.

Я посмотрела на часы.

Было почти десять.

Немного удивившись, спустилась вниз и открыла.

На пороге стоял мужчина с небольшим бумажным пакетом.

Он выглядел примерно на тридцать пять лет. Тёмные волосы слегка растрепал ветер, на плечах лежало тёмное пальто, а в руках он держал связку ключей.

Несколько секунд он смотрел на меня, словно пытался убедиться, что не ошибся адресом.

— Софи?

Я не сразу ответила.

Его лицо казалось знакомым. Не так, как лица людей, которых часто видишь в городе. Скорее, как что-то давно забытое, что неожиданно возвращается в памяти вместе с целым ощущением.

— Да?

Он немного улыбнулся.

— Я не знал, приедешь ли ты.

Я почувствовала, как внутри что-то изменилось.

— Простите, мы знакомы?

Мужчина опустил взгляд, затем снова посмотрел на меня.

— Похоже, прошло слишком много времени.

Он сделал небольшую паузу.

— Это Жюльен.

Я крепче сжала дверную ручку.

Имя, которое ещё несколько минут назад было всего лишь строчкой в старом дневнике, теперь стояло передо мной.

— Жюльен…

— Прости, что так поздно. Элен сказала, что ты уже вернулась. Я принёс кое-что из дома Мадлен. Она просила передать тебе, если ты когда-нибудь приедешь.

Он протянул бумажный пакет.

Я посмотрела на него, но не сразу взяла.

— Что там?

— Думаю, тебе лучше самой посмотреть.

Наши взгляды встретились.

И вдруг я поняла, что совсем не знаю, как вести себя с человеком, который помнит меня такой, какой я была до Парижа, до свадьбы, до всех этих лет, в течение которых я так старательно училась быть другой.

Я осторожно приняла пакет.

— Спасибо, — сказала я.

Жюльен кивнул.

— Рад, что ты вернулась, Софи.

Он развернулся и пошёл по дорожке к калитке.

Я осталась стоять на пороге, пока его фигура не исчезла за поворотом.

Потом закрыла дверь и посмотрела на пакет.

На бумаге знакомым почерком было написано:

«Для моей девочки. Открой, когда снова захочешь мечтать».

Это была надпись Мадлен.

И я вдруг почувствовала, что впервые за много лет мне действительно хочется узнать, что находится внутри.

Глава 4. Случайная встреча

Я долго не решалась открыть пакет.

Он лежал на кухонном столе, рядом с чашкой остывшего чая и старым дневником, который я так и не убрала после вечернего чтения. Обычный коричневый бумажный пакет, перевязанный тонкой бечёвкой. Ничего особенного. И всё же я несколько раз проходила мимо него, каждый раз бросая короткий взгляд на надпись.

«Для моей девочки. Открой, когда снова захочешь мечтать».

Мадлен умела выбирать слова так, что даже самые простые вещи приобретали особенный смысл.

Я провела пальцем по её почерку.

Жюльен сказал, что она просила передать мне это, если я когда-нибудь приеду. Значит, пакет был приготовлен заранее. Возможно, несколько месяцев назад. Возможно, гораздо раньше.

Я пыталась вспомнить, когда в последний раз разговаривала с Мадлен о мечтах.

Кажется, это было ещё до моей свадьбы. Тогда я рассказывала ей о работе, о планах на собственную студию, о желании однажды проектировать небольшие дома у моря. Она слушала, не перебивая, а потом спросила, почему я всё время говорю о том, что собираюсь сделать, но почти никогда — о том, чего хочу прямо сейчас.

Я рассмеялась и ответила, что сначала нужно устроить жизнь, а уже потом заниматься желаниями.

Мадлен тогда ничего не сказала.

Только посмотрела на меня с той самой улыбкой, в которой всегда было больше понимания, чем одобрения.

Я развязала бечёвку.

Внутри лежала небольшая деревянная коробка, обитая светлой тканью. На крышке были вырезаны крошечные ветви оливы. Я открыла её и увидела несколько предметов: старую фотографию, связку карандашей, тонкую тетрадь с чистыми страницами и маленький латунный ключ.

Я достала фотографию первой.

На ней была я.

Молодая, загорелая, с растрёпанными волосами и в длинном белом платье. Я стояла на деревянной террасе, одной рукой придерживая волосы от ветра, другой держала лист бумаги. За моей спиной виднелось море.

Я помнила этот день.

Мне было двадцать два. Я приехала к Мадлен после окончания университета и целую неделю рисовала проект дома, который хотела построить когда-нибудь для себя.

На обороте фотографии было написано:

«Софи, которая ещё не боялась начинать сначала».

Я положила снимок на стол.

Следом достала тетрадь. На первой странице было написано:

«Дом у моря. Проект Софи Лоран».

Я невольно улыбнулась.

Это был тот самый проект, о котором я вспоминала днём. Только теперь передо мной лежала не копия моих рисунков из школьной тетради, а аккуратно собранная папка с чертежами, заметками и несколькими фотографиями.

Мадлен сохранила всё.

Каждый лист, каждую неудачную попытку, каждую заметку, которую я когда-то считала ненужной.

На последней странице обнаружилась короткая запись:

«Ты всегда хотела создавать места, в которых людям будет хорошо. Надеюсь, однажды ты построишь такое место и для себя».

Я закрыла тетрадь.

Внутри поднялось чувство, которое я не смогла сразу определить. Мне было одновременно тепло и грустно. Мадлен словно оставила мне не вещи, а доказательство того, что когда-то я была другой.

Я взяла маленький латунный ключ и осмотрела его. Он был старым, с потемневшей головкой и небольшой царапиной сбоку.

К чему он подходил, я не знала.

Но почему-то не сомневалась, что однажды узнаю.

На следующее утро я проснулась раньше обычного.

В доме было тихо. За окном светлело небо, а на стекле оставались маленькие капли после ночного дождя. Я спустилась на кухню, открыла окно и вдохнула прохладный воздух.

Море шумело где-то за домами.

Я приготовила кофе, хотя в последнее время всё чаще пила его просто по привычке, и села за стол с тетрадью Мадлен.

Мне захотелось рассмотреть чертежи внимательнее.

Я перелистывала страницы, отмечала знакомые линии и пыталась понять, почему раньше не вернулась к этому проекту. Дом был небольшим, но продуманным. Просторная кухня с выходом в сад, светлая гостиная, спальня с видом на воду и длинная деревянная терраса.

Я нарисовала даже маленькую комнату с большим окном, в которой можно было бы работать.

Тогда мне казалось, что это будет моя мастерская.

Я собиралась повесить там полки, поставить широкий стол и купить старое кресло, в котором можно читать по вечерам.

Я всё ещё помнила, как сильно хотела этого.

И вдруг поняла, что за последние несколько лет ни разу не говорила об этой мечте Антуану.

Не потому, что он запретил бы мне её осуществить. Просто я перестала считать её важной.

Возможно, именно так и происходят незаметные перемены. Не обязательно кто-то заставляет нас отказаться от себя. Иногда мы сами постепенно убираем свои желания на дальнюю полку, освобождая место для чужих планов.

Я допила кофе и решила выйти в город.

Вильфранш-сюр-Мер утром был особенно красив.

Небольшие магазины только открывались. Хозяева выносили на улицу деревянные таблички, расставляли корзины с фруктами и поливали цветы у входов. Возле пекарни уже стояла очередь.

Я шла без определённой цели, рассматривая дома и витрины.

В одном окне увидела старую керамическую вазу, в другом — стопку книг с потёртыми обложками. В маленькой цветочной лавке продавали белые розы и веточки эвкалипта. Я остановилась, чтобы посмотреть на них, и неожиданно вспомнила, как Мадлен любила ставить цветы на кухонный стол.

Она никогда не покупала огромных букетов. Говорила, что лучше несколько простых цветов, которые можно рассматривать каждый день.

Я купила небольшой букет белых роз.

Затем направилась к набережной.

Ветер был прохладным, но солнце уже прогревало каменную мостовую. На воде покачивались лодки, а вдоль берега прогуливались люди. Я присела на свободную скамейку и положила сумку рядом.

Мне нравилось это место.

Здесь никто не знал, что я жена Антуана Лорана, архитектор из Парижа или женщина, которая в последние годы всё чаще чувствовала себя не на своём месте.

Здесь я могла быть просто Софи.

Я достала телефон.

Несколько сообщений от коллег, напоминание о встрече по проекту и короткая записка от Антуана:

«Надеюсь, сегодня у тебя будет спокойный день. Позвони, когда сможешь».

Я не ответила сразу.

Вместо этого открыла фотографию, которую сделала вчера вечером: коробка Мадлен, тетрадь с чертежами и старая фотография.

Увеличила снимок.

На заднем плане виднелась часть террасы, а возле перил стоял человек.

Я сначала не обратила на него внимания.

Теперь присмотрелась.

Это был мужчина в светлой рубашке. Его лицо почти не различалось, но я узнала его по позе.

Жюльен.

Он тоже был на той фотографии.

Я не заметила этого вчера.

Возможно, Мадлен не случайно выбрала именно этот снимок.

Я убрала телефон и посмотрела на море.

Иногда прошлое возвращается не целиком. Оно словно осторожно касается плеча, ожидая, заметишь ли ты его.

В кафе на набережной я зашла ближе к полудню.

Это было небольшое заведение с голубыми ставнями и деревянными столами. Я помнила его с детства, хотя раньше оно выглядело иначе. Тогда здесь подавали горячий шоколад и пироги с яблоками, а Мадлен всегда заказывала себе кофе без сахара.

Теперь на стенах висели фотографии моря, а возле стойки стояли стеклянные банки с печеньем.

Я выбрала столик у окна.

— Что будете заказывать? — спросила официантка.

— Кофе с молоком и круассан, пожалуйста.

— Конечно.

Я достала блокнот с чертежами, который взяла с собой, и снова открыла последнюю страницу.

Пока я рассматривала рисунок, рядом раздался знакомый голос:

— Ты всё ещё рисуешь дома, в которых никто не живёт?

Я подняла голову.

Жюльен стоял возле моего столика.

На этот раз я рассмотрела его внимательнее. Он почти не изменился в том смысле, в котором меняются люди, когда проходят годы. Конечно, появились небольшие морщинки возле глаз, черты лица стали взрослее, движения — спокойнее. Но в его взгляде сохранилось что-то прежнее.

Он смотрел на меня без удивления и без неловкого любопытства.

Будто мы расстались вчера, а не много лет назад.

— А ты всё ещё задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответ? — сказала я.

Он улыбнулся.

— Значит, память у тебя хорошая.

— Не на всё.

Его улыбка стала чуть тише.

— Это бывает.

Я закрыла блокнот.

— Ты здесь работаешь?

— Нет. Это кафе принадлежит моему другу. Я иногда помогаю ему с поставками и разными делами.

— Понятно.

Он указал на свободный стул.

— Можно?

Я кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.